

ADAM bol

24 октября 2014 № 39 (50)

55

☞ Павел Макаров для ADAM bol

Джомолунгма Дмитрия Хворостовского

Дмитрий Хворостовский – лучший баритон мира, именно такой титул присуждает ему «Би-би-си». Он лауреат многих международных премий, народный артист Российской Федерации. Его имя не сходит с афиш всех престижных концертных площадок мира. Певцу всегда рады и Карнеги-холл и парижская Гранд-Опера. График гастролей расписан на пять лет вперед. Кто отказался бы спеть дуэтом с поп-дивой Мадонной? Дмитрий сделал это, объяснив, что поступает так, дабы не приносить ни одну из сторон: ни оперу, ни эстраду. Ныне он живет в основном за рубежом. В России дает благотворительные концерты, которые вызывают ажиотаж, сравнимый с атмосферой на концертах поп-звезд. Дмитрий – личность яркая, а статус звезды порождает множество слухов и домыслов. Мне же он показался искренним, глубоким и довольно последовательным человеком.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С РОКА

МАКАРОВ: Дима, у вас довольно сложная фамилия для иностранного восприятия. Никогда не думали о псевдониме?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Хотел поменять. Но уже слишком поздно. Мои имя и фамилия катастрофически не выговариваются ни в Англии, ни во Франции. В юности, когда я просто побеждал в конкурсах, об этом как-то не думал. Потом началась карьера, и уже поздно было что-то менять. Как только меня не называли – и Шваростовский, и Хоростовский. Ужас! И сколько уже лет выступаю, а до сих пор с этим сложности...

МАКАРОВ: Вы считаете, что уже достигли пика своей карьеры?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Я не знаю, где моя Джомолунгма. Стараюсь об этом не думать. Мир, в котором я живу и работаю, настолько богат и велик, что, по-моему, достичь вершин невозможно. Надо просто стремиться к этому. Настоящая карьера, как и настоящий талант, уникальное явление. И от чего, от каких вещей зависит успех, просчитать трудно. Знаю одно – необходима удача.

МАКАРОВ: Думаете, что если будет удача, то успех точно придет?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Успех – понятие шаткое. По достижении его тебя преследует опасение оказаться хуже, чем ты был. Сцена – это борьба, постоянная конкуренция и большая ответственность.

МАКАРОВ: Вам часто вспоминается детство?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Как каждому из нас. И чаще всего не во сне, а в видениях наяву. Это бывает во время пения, когда у тебя немножко начинает кружиться голова и ты будто бы теряешь сознание.

МАКАРОВ: О чем же мечтал Дима Хворостовский в детстве?

ХВОРОСТОВСКИЙ: О многом. Мечтал быть футболистом, хоккеистом. Я просто до одурения пинал в стенку мяч, отрабатывая разные приемы и приводя в ужас маму и папу. Но, сколько я себя помню, всегда занимался музыкой и хотел стать музыкантом. Пел в хоре музыкальной школы. У меня очень рано началась ломка голоса, и папа настоял, чтобы меня из хора отпустили. А через два года, в четырнадцать лет, я начал выступать с рок-группой. Отец возмутился: «Что же ты делаешь? Почему ты не бережешь свой голос? Ведь это единственное, что у тебя есть!» Увлечение рок-музыкой длилось всего пару лет. Мой голос рос и уже не умещался в рамки рока. Я поступил в дирижерско-хоровое училище и занялся пением серьезно.

ИНТЕРВЬЮ В СТИЛЕ ПОЛИГРАФА

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ ВНЕ ОПЕРНОГО РЕПЕРТУАРА

НЕОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ ТОЛСТЫМ

МАКАРОВ: Вы родились и выросли в Сибири и для иностранцев воплощаете в себе образ русского богатыря. Вас часто спрашивают о сибирских медведях?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Попадешь, к примеру, в штат Техас, и кто-то из фермеров обязательно спросит об этом. Но я думаю, что люди просто шутят.

МАКАРОВ: А как у вас с чувством юмора, пошутить любите?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Иногда. Но, по-моему, подчас я бываю достаточно жестоким и похожим на слона в посудной лавке. Своей неуклюжестью и неловкостью я могу ранить людей. Но это не преднамеренно.

МАКАРОВ: У вас много друзей?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Мало, но есть. Много друзей быть не может. Кстати, у многих моих коллег друзей вообще нет, одни коллеги по бизнесу. Мои друзья – это родители, жена, дети.

МАКАРОВ: Как вы расслабляетесь?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Как теперь говорят, релаксация. Удивительно, как много слов с латинскими корнями перешло в русский язык... Чего только не услышишь, вернувшись после отлучки! Отдыхаю я по-разному: занимаюсь спортом, бегаю, плаваю... Встречаюсь с друзьями и устраиваю застолья. Особенно часто это происходит в России или с русскими друзьями там. Потому что для нас, русских, застолье – обычная форма общения.

МАКАРОВ: Для голоса это не вредно?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Вредно. Вообще противопоказано. Спасибо родителям и матушке природе, что они наделили меня уникальным по своим возможностям и гибкости голосом, а его надо беречь. Поэтому в последние годы я не позволяю себе спиртного.

МАКАРОВ: А своей физической формой вы довольны? Многие певцы прибавляют в весе. Вам это не грозит?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Грозит. Я поправился и считаю, что свой вес уже набрал. Поэтому постоянно держу себя в форме: пресс качаю, отжимаюсь.

МАКАРОВ: Дома или в спортивных залах?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Не люблю, когда рядом кто-то потеет. Физические упражнения – это дело интимное, поэтому занимаюсь ими наедине.

МАКАРОВ: Артисты крупного телосложения часто говорят, что большой вес необходим для поддержания голоса.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Отчасти это справедливо. Обычно большие люди имеют большие голоса.

ГЕНИЕМ СЕБЯ НЕ СЧИТАЕТ

МАКАРОВ: Приходилось ли вам встречаться с гениями?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет. Это вообще явление чрезвычайно редкое – один в столетие, один в несколько столетий. Моцарт, Пушкин, Гете, Есенин...

МАКАРОВ: Шалыгина можете назвать гением?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Может быть. Но я не знаю, как вообще можно найти что-то гениальное в пении. Это несовершенный процесс, сродни парению в воздухе: прозвучало и ушло.

МАКАРОВ: Ну, а все же кумиры у вас были?

ХВОРОСТОВСКИЙ: В юности были. Да и сейчас есть. Всегда любил Марию Каллас, Тито Гобби и Федора Шалыгина. Из русских баритонов – Павел Лисициан. Все, о ком я говорю, пришли ко мне с пластинок. Но однажды ко мне за кулисы заглянул великий музыкант Павел Лисициан. Мы с ним очень тепло и долго поговорили, после чего он благословил меня на карьеру.

МАКАРОВ: А ныне кем из коллег восхищаетесь?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Всегда восхищался и восхищаюсь феноменальной техникой и голосом Лучано Паваротти. Поражает то, как легко он извлекал из себя звук.

МАКАРОВ: Про вас можно сказать, что однажды вы проснулись знаменитым. Это случилось после конкурса телерадиокорпорации Великобритании, который транслировался на весь мир компанией «Би-биси» в 1988 году. Что вы чувствовали в то утро, когда, по вашему признанию, «телефон буквально разрывался»?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Головную боль: у нас была большая пьянка до четырех часов утра. И больше я не чувствовал ничего. Сел в поезд и поехал в Лондон, сам же конкурс проходил в Кардиффе, недалеко от Лондона. Приехал вечером и пошел погулять, а меня окликали, трогали за плечо, жали руки, поздравляли... Вот тогда я что-то начал понимать. Я плохо осознавал, что именно произошло. Думал, что это очередной конкурс, на котором я должен был победить и победил. То, что он транслировался во многих странах, меня мало волновало. И это очень хорошо: иначе я стал бы нервничать, волноваться и наделал бы каких-то ошибок.

ЧЕЛОВЕК С ПРИБАБАХОМ

МАКАРОВ: Вы побеждали раз за разом на самых престижных конкурсах мира: в Тулузе, Ницце, Великобритании, в России на конкурсе имени Глинки. Вас приняли солистом в труппу Красноярского театра оперы и балета. И вроде все складывалось удачно. Но тем не менее вы все равно большую часть времени проводите за границей. Как вы нашли Марка Хилдрю, своего нынешнего менеджера?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Это большая удача. Он мой ровесник, величайший эксперт по части русских артистов. Но, точнее говоря, не я его, а он меня нашел. Нас познакомил член жюри конкурса, проходившего в Лондоне, Ирина Константиновна Архипова. Это случилось после первого тура. На конкурсе в конце каждого дня определялся победитель, и ему вручалась маленькая хрустальная ваза. Мне вручили сувенир и пригласили в кафе, где

**Я ЛИРИЧЕСКИЙ
БАРИТОН. ВЫШЕ
СВОЕЙ ГОЛОВЫ,
КАК ГОВОРИТСЯ,
НЕ ПРЫГНЕШЬ. ПО
ЗВУЧАНИЮ ГОЛОС,
КОНЕЧНО, МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬСЯ
– СТАТЬ
НАСЫЩЕННЕЕ,
ТЕМНЕЕ.**

за большим круглым столом сидели все члены жюри. Когда я вошел, они встали и зааплодировали. Этого я не ожидал. Там мы с Марком и познакомились. Он выразил желание работать со мной и через переводчицу сказал мне об этом. Я плохо понимал, о чем идет речь, и понимать не собирался. Мы ничего не подписывали и ни о чем не договаривались. А потом Марк буквально завалил меня предложениями, контрактами... Я вернулся в Красноярск, Марк звонил мне туда, и я дрожащей рукой записывал оперные театры, названия партий и так далее. Я ничего при этом не понимал. У меня мозги зашли в ступор от невозможности осознать происходящее.

МАКАРОВ: Как к вам относятся в Красноярске? Любят, гордятся, завидуют?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Красноярск достаточно большой город и трудно ответить на этот вопрос однозначно. Думаю, что любят. Потому что каждый раз, когда я там выступаю, зал просто ломится от зрителей. И сколько бы концертов я ни давал – всегда мало. Почти половина жителей Красноярска может сказать: «А мы знали Димку. Помнишь, как он бежал в грязных штанах». Я жил в этом городе, и очень много людей, к счастью или к сожалению, были причастны к моей судьбе.

МАКАРОВ: В одном из интервью вы сказали, что жизнь в России не была для вас безоблачной. Это и стало причиной того, что вы уехали?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет. Я семейный человек и несу ответственность не только за себя. Когда моя семья жила в Москве, чувство тревоги за близких действительно не покидало меня. Мы вынуждены были иметь шофера, который возил дочку в школу. Случались у нас и кражи. Но не это стало причиной нашего исхода из страны. Переезда потребовала моя карьера, моя жизнь. Именно моя. Кстати, очень жалею, что уехал. Я тоскую и разрываюсь. И эта ностальгия никак не проходит.

МАКАРОВ: А я думал, что вас можно назвать космополитом и что вы способны чувствовать себя комфортно в любой стране.

ХВОРОСТОВСКИЙ: Можно сказать и так. У меня устоявшиеся привычки, позволяющие мне комфортно чувствовать себя в любой стране. Но все равно русский человек всегда с прибабахом.

МАКАРОВ: Чему вас научила Англия?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Да чему же она может меня научить? Я там практически не живу. Там живет моя семья, и я приезжаю туда очень редко. Я плохо знаю Англию, хотя теперь уже могу различать диалекты. В этом смысле английский язык очень интересный.

ЛУЧШАЯ АУДИТОРИЯ ПЕВЦА

МАКАРОВ: Какое место занимает в вашей жизни любовь?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Она существует помимо нас – в жизни, в ярких, многоликих образах, в музыке. Любовь во всем. Любовь для меня – это гармония.

МАКАРОВ: Выбор репертуара диктуется, прежде всего, голосом. Чтобы его не сорвать, от чего-то нужно отказываться. Видимо, вам тоже не раз приходилось произносить слово «нет»?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Паша! Вся моя карьера построена на этом слове. Особенно в самом ее начале. Тогда я почти все время отвечал: «Нет, нет и нет». А столько было великих соблазнов! Сейчас тоже приходится отказываться, но делаю я это значительно реже. В моем возрасте уже можно позволить себе экспериментировать. Я начинаю пробовать, но осторожно, как кошка пробует лапкой воду.

МАКАРОВ: Вы планируете со временем петь басовые партии?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Нет, ну что вы. Я лирический баритон. Выше своей головы, как говорится, не прыгнешь. По звучанию голоса, конечно, может измениться – стать насыщеннее, темнее. Я все время мечтаю о Борисе Годунове. Кстати, Борис Годунов был написан **Мусоргским** для баритона. Существует несколько версий – более высокие и более низкие, для баса. Может быть, когда-нибудь мне удастся спеть «Бориса» и записать на пленку. Но не на сцене. Нет, не на сцене. Не тот цвет...

57

МАКАРОВ: Как научиться понимать серьезную музыку?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Есть простая формула: для того чтобы понимать, нужно знать. Необходимо готовить себя к пониманию классического искусства и к пониманию оперы в частности, а это предполагает некую домашнюю работу. Как говорят, надо воспитывать ухо. Будучи неподготовленным человеком, можно и не услышать того, что заложено в партитуре.

МАКАРОВ: Каковы ваши пристрастия в музыке?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Свиридов, Чайковский, Рахманинов. Эти композиторы проходят через всю мою творческую жизнь. Говорят даже, что музыка Чайков-

БЛИЦ-ВОПРОСЫ:

– У вас не было мысли заняться благотворительностью?

– Именно этим я занимаюсь в России последние лет десять. Я никогда не пел за деньги, а заработки всегда отдавал в какой-то фонд. В Красноярск я периодически перечисляю деньги для родного Института искусств, ныне академии.

– Вы суеверны?

– Нет. Изредка крещу себе лоб перед выходом на сцену, когда бывает особенно страшно.

– Вашей жизнью руководят случайности или какие-то закономерности?

– Закономерности. Все зависит от того, сколько ты отдаешь и сколько получа-

емого получается у меня лучше всего. Не лучше всех, а лучше всего. Это приятно, так как его музыку я исполнял с детства. Играл на рояле, дирижировал. Очень люблю Верди, Доницетти, Малера. Скоро к ним прибавятся Брамс, Шуман, Шуберт. Я постепенно расширяю творческие рамки и перехожу на немецкий репертуар. Когда-нибудь, может быть, будут Вагнер и Шенберг. Мой голос ни в коем случае нельзя назвать принадлежащим немецкой певческой школе. Тем не менее он, кажется, звучит достаточно хорошо. Просто это дело определенной подготовки.

МАКАРОВ: Вы были очень близки со Свиридовым. Тяжело переживали его смерть?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Тяжесть была необычайная. Он посвятил мне свой цикл «Петербург» на стихи Блока. Думаю, что нас связывала с Георгием Васильевичем не только человеческая дружба, но и нечто большее. Я знал его достаточно хорошо, хоть мы и не так часто встречались, но каждый раз, покидая его, я с ним мысленно прощался. Здоровье у него было не

еешь. Очень важна в жизни и удача. Эта госпожа улыбается тому, кто умеет быть в нужное время в нужном месте.

– Ваши странствия по свету помогают вам оказаться в нужном месте?

– Как ни странно, да. Я не могу долго сидеть на одном месте. Я, как цыган, вечно в дороге. Но за все надо платить: за счастье, за успех. Вот я и расплачиваюсь за свое благополучие. Могу вас уверить, что проблемы есть и у меня.

– Дима, вы объездили весь мир. Какие страны оставили самое сильное впечатление?

– Одно из первых грандиозных впечатлений – Япония. До сих пор помню рассвет, который мы там встречали. Люблю исландский ландшафт, он тоже не земной, а марсовый. Фантастика! Очень сильным было первое впечатление от Нью-Йорка. Его романтика очень лирична, такой нет ни у Парижа, ни у Рима.

– Окажись вы на необитаемом острове или на далекой планете, что бы вы взяли с собой?

– CD-плеер. И записи Тосканини пятидесятих годов, несколько опер, которые он записал и которые, как я считаю, являются шедеврами. Высоцкого бы

очень хорошим. Надеюсь, что встречу с ним в будущем. Он постоянно стоит перед моими глазами – живой, веселый, талантливый. Если бы он не был композитором, он стал бы великолепным писателем. Это человек уникальной эрудиции и жизненной памяти. Они с женой Эльзой Густавовной составляли удивительную пару. Оба сильные, яркие, они не подавляли друг друга, а дополняли. И ушли друг за другом. Свиридов останется в моей памяти навсегда.

МАКАРОВ: Какая публика вам ближе – российская или западная?

ХВОРОСТОВСКИЙ: Конечно, наша – русская. Я хорошо чувствую публику. Не видя лиц в зале, я воспринимаю зрителей неким шестым чувством. Я всегда готов к поединку. Убежден, что публика всегда права. И каждый раз я волнуюсь перед выходом на сцену, особенно когда выступаю в России. Ведь музыка для русских – это все, это сама жизнь. А на Западе музыка предмет потребления, удовлетворения. Я же считаю себя русским певцом. Где бы я ни выступал, я везде представляю свою родину – Россию.

взял. Я слушаю его нечасто, но с упоением. Для меня Высоцкий представляет собой какой-то есенинский идеал.

– Если бы вы писали анималистический автопортрет, кем бы себя изобразили?

– Серым волком.

– А в какой цветовой гамме?

– В яркой. Черно-красной.

– Простите, а ваша седина – это наследственное?

– Да, от родителей. Спасибо, что не лысый.

– Что для вас в творчестве наиболее ценно?

– Очень люблю состояние, когда приходит вдохновение. Люблю, когда происходит некий электрический разряд между артистом и зрителем.

– Выступаете даже в день своего рождения, не пытаетесь договориться о свободном дне?

– Да я даже и не помню, когда я в этот день был свободен. Всегда в день своего рождения, 16 октября, я на сцене или со спектаклем, или с концертом. Я счастлив, что нужен, востребован и любим.